





## ГЛАВА 1

Вырваться из города, вот чего ей хотелось. Уехать из этого места, ставшего таким чужим. Вырваться из атмосферы, сгустившейся за последние полгода до такой степени, что уже и не вздохнуть было. Уехать подальше и подольше, а если уж совсем откровенно, то навсегда. Почему бы и нет? Когда тебе двадцать пять лет, а у тебя ни семьи, ни детей, тогда имеется полная свобода в выборе того, куда двигаться дальше. Вот только куда?

Когда-то ради этой свободы она готова была горы свернуть, готова была лгать, притворяться, изображать то, чего нет и быть не могло. И вот теперь она получила все, что желала. И даже больше желаемого. Та самая свобода была предоставлена ей во всей своей полноте. Действительность оправдала самые смелые ее надежды. Но что дальше? Полнейший тупик и неопределенность.

Тряхнув головой, Таня попыталась отогнать от себя мысли, все последнее время кружащиеся у нее в голове, словно стая ворон.



— Пошли прочь! — прошептала она им сердито. — Не до вас мне! Потом о вас подумаю!

Вроде как подействовало, ворон в голове стало поменьше. Да и выглядеть они стали как-то нерешительно. И каркали не так громко, и отношения между собой выясняли не так ретиво.

Чтобы закрепить успех, Таня решила еще сильнее отвлечься, для чего посмотрела в окно автобуса.

Был уже вечер, зимой темнеет быстро, и в городе Таня ничего примечательного из своего окна обычно не видела. Но тут было совсем другое! И сердце у девушки застучало быстрее.

До чего же за окном было красиво! Вид был на диво хорош, словно на новогодней открытке, которую они с бабушкой в Танином детстве ежегодно получали с поздравлениями от ее двоюродной сестры. Это была одна из немногих доступных им в жизни радостей, а сестра, словно догадываясь, всегда старалась выбрать открытку понарядней.

Точно, как на ней, сейчас перед глазами у девушки серебрился недавно выпавший снег. Переливался, искрил, лежа снежным пушистым покрывалом. А сверху на все это великолепие светила большая бело-серебристая луна.

— В городе такой красоты нипочем не увидишь!



Таня невольно вздрогнула. Голос был громкий и незнакомый.

Ах, это не к ней обращаются. За Таней в следующем ряду сидел пожилой дяденька, который произнес эту фразу, обращаясь к своей супруге.

Но той было не до снега, она деловито пересчитывала банки, которые стояли у нее в ногах в сумке.

— Как думаешь, грибов не мало мы взяли? — озабоченно обратилась она к мужу. — Тете Лене, дяде Толе, ребятам по баночке, а что на стол поставить? Я всего пять банок захватила.

— Что? У них грибов своих нет?

— Таких, как ты в этом году собрал, нету! Они даже в хороший год все подряд метут, и переросшие, и червивые. Видела я, как баба Галя свое грибное ассорти солит. Лучше бы уж и не видела!

— Так все плохо?

— Думаешь, чего она грибы так мелко крошит? В крошewe ни черви, ни старые грибы не разобрать.

— Вкус все равно не тот.

— Да разве она понимает вкус настоящего гриба! всю жизнь так солит, ей и нормально. Другой бы отведал, так мигом лаcты склеил! И ведь сколько людей ее грибами травилось, а бабе Гале хоть бы хны! Это не мои грибы ви-



новаты, это они что-то другое поели. Я, говорит, всегда сама свои грибочки ем и все со мной прекрасно. И ведь не возразишь! Действительно, ест, и действительно, все у нее прекрасно.

— Живехонька наша баба Галя, — проворчал мужик. — Дай бог так каждому!

Таня поежилась. Отчего-то ей стало холодно, хотя в автобусе жарко топили. Наверное, виноваты были воспоминания, столь внезапно на нее нахлынувшие.

Но тетка позади нее не унималась:

— Вот ты, Сереженька, у меня молодец! — воскликнула она. — Ты всегда отличные грибы собираешь. Молоденькие, шляпка к шляпке, ножки упругие, чистые, берешь и удовольствие от одного взгляда на твой гриб имеешь.

— Хочешь, чтобы и они попробовали, что такое настоящий маринад из молоденьких маслят? — уточнил муж.

— Хочу! Хочу, чтобы они все там обзавидовались, какой у меня муж замечательный!

— Ну а лисички пополам с белымихватила? — тоже вошел в интерес супруг.

— А как же! Две банки! И подосиновиков, крепких, каменных, куснешь, а он словно мячик каучуковый. Объединение! То ли их сопли из переспевших подберезовиков, которые они каждый год на стол выставляют. Бэ-э! Один раз взгля-



нешь, вся охота к грибам пропадет на всю жизнь. Это же я только с тобой толк в грибах поняла, а в детстве я их на дух не переносила. Сколько раз в меня баба Галя грибы пихала, а я их есть не хотела. Теперь понимаю, почему так было. Спасибо, хоть не отравилась.

— А дядя Толя твой пару раз в больницу с отравлением ездил.

— Еще бы! Бабка Галя грибов у дороги наберет, помоеет, порежет, посолит, лучком, маслом сбрызнет, кушайте, дорогие гости. Даже не отварит, ничего! И ладно бы грибы были хорошие, а то неизвестные какие-то, она говорит, рыжики, да какие там рыжики, ножки тонкие, мякоть на изломе не синеет, разве что цветом шляпки у них немного похожи. Их бы хоть отварить, нет, она прямо так сырыми режет. Рыжики ведь, по ее мнению! А рыжики не варят!

— Рыжики не варят, — согласился муж.

— Так не рыжики это вовсе у нее! — продолжала кипеть праведным негодованием супруга.

Таня прикрыла глаза, молясь, чтобы хозяйственные грибники угомонились.

Но не тут-то было. У них в сумке нашлось еще немало банок, содержимое которых требовалось обсудить. И домашние перцы по особому рецепту, и вяленые помидоры в оливковом масле, и какие-то «министерские» огурцы, про-



званные так потому, что готовились они по рецепту тещи бывшего министра.

Все это супруги обсуждали с таким удовольствием и вкусом, что у Тани засосало и заурчало в желудке.

Это было неудивительно. Таня сегодня еще ничего не ела, если не считать ложечки овсяного киселя, которую она проглотила на голодный желудок, чтобы он не урчал у нотариуса.

Но все прошло гладко. Нотариус выразил свое удовольствие и пожал ей руку.

— Теперь вы богатая женщина. Я знал состояние дел вашего уважаемого супруга. И поверьте, тех денег, которые вы унаследовали от него, вам с лихвой хватит на несколько жизней.

Тане стоило большого труда, чтобы не расплакаться.

— Тише, тише! — кинулся к ней нотариус, думая, что она нуждается в утешении.

Таня и впрямь нуждалась в утешении, но только совсем не в таком, о котором думал милейший Лев Соломонович. Он-то был уверен, что она до сих пор скорбит по своему рано ушедшему супругу, а дело было совсем не в том. В прежней своей нищей жизни Таня столько раз мечтала о том, что когда-нибудь услышит в свой адрес эти слова: «Вы — богатая женщина»!



И вот сейчас она их слышала, но она ничего не чувствовала! Ни триумфа, ни удовольствия, вообще ничего. В душе была лишь одна звенящая и какая-то ледяная пустота.

Тане было все равно, есть эти деньги, нету их, какая разница? Ну да, теперь она может устроить безумный шопинг, может полететь в любой уголок мира, может просто целыми днями валяться на кровати, обжираться самым лучшим шоколадом и есть свою любимую осетрину целыми рыбинами, может... может... много чего она теперь может.

Но беда была в том, что ей ничего этого больше не хотелось!

И Таня разрыдалась так громко и безудержно, что Льву Соломоновичу пришлось вызвать свою помощницу, которая была ровесницей Тани и которая искренне не понимала ее слез.

— Чего ты ревешь, Танюшка? — уже совсем по-свойски обратилась она к ней. — У тебя денег теперь до хренища. Старый хрыч оставил все одной тебе. Не каким-то там благотворительным фондам, которыми он тебя все время пугал, не своим дальним родственникам, которых у него и не было, не детям, которые, похоже, тоже были только у него в голове, а одной тебе! Все его счета теперь твои! Живи, кути, гуляй, как тебе хочется!





Таня лишь помотала головой. Сунула приятельнице пять тысяч, пусть хоть она порадует-ся, и ушла.

Никто не понимал, какое опустошение она чувствует внутри себя. Вот раньше, когда денег и возможности не было, хотелось. А теперь, когда возможность такая появилась или вот-вот появится, все желание, весь интерес куда-то пропали! И до того Тане от всего этого стало скучно и тошно, что хоть руки на себя накладывай.

От петли ее спас трезвый взгляд на вещи. Ну, надо же хоть взглянуть, сколько у нее теперь денег. Да и глупо же умирать, когда все так отлично складывается, все вокруг так говорят.

— Раз деньги теперь мои, нужно их тратить, — вздохнула Таня и направилась в первый по счету банк, который был в ее списке.

Потом она пошла в следующий, затем еще в один. И по мере того, как перед ней открывалась картина, настроение у Тани стремительно менялось. Теперь ей снова очень хотелось транжирить деньги мужа, просто до коллик в животе.

— С этим надо что-то делать, — прошептала Таня. — Да, надо что-то делать! Но что мне делать?

И тут ей вспомнилось, как вчера вечером, накануне ее похода к нотариусу, к ней приехали подруги — Ирка с Марусей.



Подруги с явным удовольствием умяли купленную специально для них банку черной икры, запили все французским шампанским и вынесли вердикт:

— Тебе просто нужно сменить обстановку.

— У тебя депрессия.

— Еще бы! Сколько времени этот старый козел ее морально уничтожал.

— Выгнать без всего на улицу угрожал.

— Если бы он не подох так вовремя, ты бы не просто одна, но еще и без денег осталась. Так что теперь пляши и пой, на твоей улице праздник!

Возможно, подруги были правы. И Таня просто устала за эти долгие годы, которые теперь казались ей вечностью.

Характер у ее покойного мужа был далеко не сахар. Да и появившиеся с возрастом болячки давали о себе знать, делая мужа еще более раздражительным. Он был старше Тани ровно в три раза.

Когда они познакомились, ей было пятнадцать, ему сорок пять. Потом ей исполнилось двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три, она расцветала, хорошела, лучилась молодостью и здоровьем. А муж... муж не молодедел, он увядал. Какая-то дрянь точила его изнутри. Хотя ни одно из обследований не показало какой-то серьезной проблемы.



Врачи уверяли, что главное для него — соблюдать диету.

— Следите за ним! — твердили они Тане. — Никакие лекарства не помогут, если он будет питаться по-прежнему. Станет пихать в себя все, на что упадет его глаз.

И Таня пыталась что-то сделать. Но муж не желал ни ее, ни докторов слушать. И всякий раз, когда Таня робко советовала вместо устриц заказать на завтрак простую манную кашу, он орал на нее после этого так, что ей хватало до самого обеда. У нее тряслись руки и дрожали ноги. На обед Таня упоминала, что легкий овощной супчик был бы предпочтительней тяжелого мясного да еще с трюфелями. И снова слышала в свой адрес проклятия, которые не переводились у мужа до самого ужина. За ужином она молчала, потому что тут уж говорить что-либо было невозможно, супруг начинал ужин с бутылки вина, потом появлялось виски или другой крепкий напиток, который муж усердно закусывал хамоном или ветчиной, которую он просто обожал.

Ветчину он пихал в себя огромными ломтями, ехидно подмигивая при этом жене и приговаривая:

— Не каждому нынче такое лакомство доступно! М-м-м... Объедение!



Эту фразу он произносил неизменно всякий раз, когда приступал к ветчине. Это у него был своего рода ритуал. И Тане даже иногда казалось, что муж назло пихает в себя эту ветчину, чтобы кто-то другой вдруг бы это увидел и позавидовал ему.

Но кто? Таня терялась в догадках. Жили они уединенно, ужинали вдвоем. Не перед ней же он выделялся?

— Можно оставить и на завтра, — предлагала она.

— Сожру все сейчас! Обожаю!

И пихал в себя кусок за куском. Видно, что делал это уже через силу, явно кому-то назло.

В итоге муж попадал в больницу, где Таня преданно его навещала. Но в голову ей летели тарелки и требования гусиного паштета. Муж не желал питаться полезной больничной едой, ее он находил отвратительной. Он требовал ресторанных куропаток, требовал рябчиков, требовал тетеревов, за которыми посылал и которых ему привозили. В общем, с диетой не получалось вовсе.

И все же десять лет они в браке прожили. Как Таня это выдержала, теперь она и сама затруднялась сказать. И как выжила, тоже не понимала. Иногда ей казалось, что она просто умрет. Особенно сначала ей казалось, что она про-